

Паола Чони

ГОРЬКИЙ
•
ПОЛИТИК

Паола Чони

Горький-политик

«Алетейя»

2018

УДК 94(47).083
ББК 66.1(2)5

Чони П.

Горький-политик / П. Чони — «Алетейя», 2018

ISBN 978-5-907030-44-2

В последние годы почти все публикации, посвященные Максиму Горькому, касаются политических аспектов его биографии. Некоторые решения, принятые писателем в последние годы его жизни: поддержка сталинской культурной политики или оправдание лагерей, которые он считал местом исправления для преступников, – радикальным образом повлияли на оценку его творчества. Для того чтобы понять причины неоднозначных решений, принятых писателем в конце жизни, необходимо еще раз рассмотреть его политическую биографию – от первых революционных кружков и участия в революции 1905 года до создания Каприйской школы. Сегодня настало время заново изучить полемику в среде русских социал-демократов начала XX века, дать слово героям этих событий – не только большевистским деятелям, чья история была стерта или искажена, как случилось с А. Богдановым и М. Горьким, но и таким интеллектуалам, как Н. Бердяев и С. Булгаков, которые вступили в эту дискуссию, разглядев религиозную природу большевизма и опасность тоталитарного перерождения его идей. Книга предназначена для специалистов-историков, а также для широкого круга читателей, интересующихся историей и литературой. Издание 2-е, исправленное.

УДК 94(47).083
ББК 66.1(2)5

ISBN 978-5-907030-44-2

© Чони П., 2018

© Алетейя, 2018

Содержание

XX век в зеркале Максима Горького	7
Введение	9
Глава I	24
1. Становление М. Горького как политика и деятеля культуры	24
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Паола Чони

Горький-политик

Перевод с итальянского под общей редакцией *Марины Ариас-Вихиль*

Рецензенты:

доктор исторических наук *Е.С. Токарева* (ИВИ РАН)

доктор исторических наук *В.П. Любин* (ИНИОН РАН)

© П. Чони, 2018

© М. Ариас-Вихиль, А. Голубцова, Т. Чайковская, пер. на русск. язык, 2018

© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2018

XX век в зеркале Максима Горького

Книга Паолы Чони является оригинальным историческим исследованием места и роли Горького в истории XX века, как своеобразного «зеркала» российской и советской политической истории и шире, как одного из тех европейских интеллектуалов, кто повлиял на формирование ценностных ориентиров в политике и культуре XX века.

Автор отмечает возрождение интереса к «феномену Горького», как в российской, так и в западной историографии и утверждает, что реконструкция политико-интеллектуальной биографии Горького, необходимая для выяснения причин многих его решений, призвана вернуть писателю место, которое по праву должно принадлежать ему в европейской культуре.

Глубокое изучение всего комплекса проблем, связанных с изучением «феномена Максима Горького», позволило автору осуществить воссоздание интеллектуальной и политической биографии писателя в контексте изменяющихся исторических ситуаций; рассмотрение характера и форм включенности М. Горького в политические процессы и события первой трети XX века; исследование взаимоотношений М. Горького, власти и общества в условиях нарастания тоталитарных тенденций в социалистическом государстве; освещение проблемы «М. Горький и интеллигенция»; анализ современных дискуссий вокруг феномена Горького в политической жизни XX века.

Новизна работы заключается, во-первых, в том, что в нем впервые проводится комплексное исследование феномена Горького-политика, рассматривается весь спектр различных компонентов такого явления как политическая биография писателя. Феномен Горького-политика показан как органическая составляющая социально-политических и идеологических процессов, проходивших в России в первой трети XX века.

Во-вторых, она обусловлена также значительным массивом документальных источников, многие из которых до настоящего момента не вводились в научный оборот. Такое расширение научной информационной базы, утверждает П. Чони, непосредственно связано с перестроечными процессами в России середины 80-х годов. Открытие архивов и возможность свободного высказывания собственного мнения привели к необходимости радикального перечитывания и переоценки всей политической истории Советской России и, конечно, истории литературы этого периода. Вплоть до перестройки оценки творчества и личности писателя отличались пристрастностью и предубеждением.

Среди этого рода документов следует выделить неопубликованную переписку, хранящуюся в европейских и русских архивах. Автор анализирует также новейшие публикации наследия Максима Горького, серию статей «Несвоевременные мысли», «Очерки о русском крестьянстве»; воспоминания деятелей русской эмиграции, близких к горьковскому окружению, и ряд других. Особо автор выделяет X том серии «М. Горький. Материалы и исследования. Горький в зеркале эпохи» (2010) с перепиской Горького и Богданова», хранящейся в Архиве Лелио и Лисли Иссокко-Бассо (Archivio Lelio e Lisli Issocco-Basso), доступ к которому стал возможен лишь в 2010 г., а также его письма, опубликованные лишь в конце 1980-х – начале 1990-х гг.

Работа Паолы Чони вносит существенный вклад в разработку таких тем, как отношения власти и творца, вождя и интеллигенции в условиях утверждения тоталитарной политической культуры, исследование места Горького среди мировых идеологических и философских течений и российских политических тенденций, связь политики и культуры социализма. Выявлена внутренняя логика развития взглядов Горького от раннего периода его творчества через взгляды времен революций к компромиссу со Сталиным.

Судьба Горького, утверждает автор, это судьба литератора, который не видел свое художественное творчество вне общественной и политической ответственности. «Феномен Горького» и в историческом контексте и в современных дискуссиях отражает состояние социума

и общественного сознания, которое к нему обращается, и через феномен Горького пытается осуществить собственную идентификацию.

*Зав. Центром религии и Церкви Института всеобщей истории РАН
Д.и.н. Е.С. Токарева*

Введение

В первую треть XX века Россия прошла уникальный исторический путь от самодержавной монархии к созданию первого в мире социалистического государства, в котором стремительно нарастали тоталитарные тенденции. За три с небольшим десятилетия в России несколько раз кардинально менялись картины политической жизни и формы политической культуры, структура общества и социальных отношений системы общественного сознания. Эта эпоха выдвинула на авансцену истории выдающихся политиков-революционеров, преобразователей общества, властителей дум. Среди них особое место принадлежит М. Горькому, писателю и деятелю культуры крупнейшего масштаба, не занимавшемуся целенаправленно политической деятельностью, но постоянно оказывавшемуся в средоточии политической борьбы и идейных столкновений. В то же время М. Горький был одним из тех европейских интеллектуалов, кто повлиял на формирование ценностных ориентиров в политике и культуре XX века. Изучение творчества А.М. Горького было одним из магистральных направлений советского литературоведения. Он трактовался как эталонная фигура социалистической культуры, как основоположник и незыблемый столп социалистического реализма. Начиная с девяностых годов, исследователи продвинулись вперед в создании объективного психологического портрета М. Горького, открыв ранее оставшиеся в тени грани Горького-человека. Стало очевидно, что масштаб личности Горького фактически не проявлен в политической истории XX века.

В западной историографии возродился интерес к М. Горькому, которого начали рассматривать не столько, как собственно писателя, но как интеллектуала, включенного в сложный исторический и политический контекст. Более того, появилось предположение о существовании «феномена Горького» в его совокупности личностных, творческих, идеологических и политических аспектов. Феномен М. Горького стали характеризовать как один из самых показательных для формирования современных взглядов на историческую ситуацию и политическую борьбу 1920–1930-х гг. в СССР и в Европе.

Изучение феномена Горького как своеобразного «зеркала» российской и советской политической истории, отношения власти и творца, вождя и интеллигенции в условиях утверждения тоталитарной политической культуры (что было характерно не только для СССР, но и для ряда европейских стран в 20–30-х гг. XX века), а также шире – исследование места Горького в рядах европейской интеллигенции требует комплексного подхода и кардинального пересмотра устоявшихся стереотипов, ибо находится на скрещении многих гуманитарных наук и идейных концепций. Однако при этом историческая составляющая «феномена М. Горького» оказывается определяющей в совокупности конкретных методов исследования¹. Исторический контекст во многом сформировал «феномен Горького», но и сам Горький повлиял на историческую ситуацию и политическую борьбу в СССР и Европе.

Однако в последнее двадцатилетие многие публикации, посвященные Максиму Горькому, касались политических аспектов его биографии, в то время как интерес к его литературному творчеству значительно сократился². Некоторые решения, принятые писателем в последние годы его жизни – например, поддержка сталинской культурной политики, или оправдание

¹ Вопросу реинтерпретации биографии и творчества М. Горького посвящены статьи: *Книгге А.* Новый или вечный Горький? О проблемах реинтерпретации личности и творчества писателя // Максим Горький и литературные искания XX столетия. Горьковские чтения, Нижний Новгород 2002; *Niquieux M.* Le renouvellement des études sur Gor'kij (1986–1996) *Revue des Études Slaves*, N. 68–4 С. 541–553; в книге Л.А. Спиридоновой «Настоящий Горький»: мифы и реальность», М. 2013 подводятся итоги публикациям о писателе за последние годы.

² В Италии произведения М. Горького, за редчайшим исключением, больше не переводятся. В 2017 году вышло новое издание романа *Мать*, (Editori Riuniti University Press, Roma 2017) спустя десятилетия после последнего перевода.

лагерей, которые он считал местом исправления преступников, – радикальным образом повлияли на оценку его произведений.

Как справедливо пишет Л.А. Спиридонова: «Горькому не прощали, да и теперь не прощают, искренней увлеченности идеями социализма, связи с партией большевиков»³ и «до сих пор жизнь и творчество писателя трактуют тенденциозно и необъективно, подкрепляя свои суждения высказываниями И. Бунина, Б. Зайцева, В. Набокова, З. Гиппиус, Д. Мережковского, А. Солженицына и многих других»⁴. И все же помня о том, что Пастернак назвал Горького «гигантом», мы не можем ставить крест на его писательской и интеллектуальной деятельности. В первое тридцатилетие XX века Горький находился в центре политической борьбы, и пользовался значительным влиянием в этой сфере. Он был знаком с крупнейшими представителями европейской интеллектуальной элиты и являлся для них культурным ориентиром. Среди его корреспондентов мы обнаружим таких важнейших мыслителей того времени, как Б. Шоу, Р. Роллан, А. Франс, Г. Уэллс, Б. Брехт, Л. Барбюс, К. Каутский, Б. Кроче – и это лишь несколько примеров. Кроме того, он активно общался с главными фигурами на политической сцене в России. Горький неустанно занимался издательской деятельностью (стал основателем издательств, книжных серий, газет), боролся за спасение человеческих жизней и сохранение культуры. Часто положительные стороны его деятельности, его щедрость оставались незамеченными у исследователей, которые обращали большее внимание на его «поддержку» Сталина.

Последние годы его жизни были предметом наиболее пристального изучения, именно они определили точку зрения, с которой теперь рассматривается весь его творческий путь⁵. Однако, если мы рассматриваем какую-либо картину и концентрируем наше внимание на каком-то отдельном фрагменте, то общее впечатление от картины полностью искажается. На самом деле, чтобы понять причины неоднозначных решений, принятых писателем в конце жизни, необходимо еще раз изучить его политическую биографию: от первых революционных кружков и участия в революции 1905 года до открытия Каприйской школы. Идеи Богданова о пролетарской культуре и теории Луначарского о превращении социализма в религию (богостроительство) наложили отпечаток на всю биографию писателя и оказали решающее влияние на его политическую деятельность. Как мы знаем, идея богостроительства, которая будет художественно осмыслена Горьким в повести «Исповедь», встретила решительное противодействие со стороны В.И. Ленина, но была возрождена в период сталинизма и стала действенным инструментом власти в руках советского диктатора. Теории Горького и Луначарского, их светская религия, основанная на идее перерождения человечества через революцию, предоставили в распоряжение Сталина верное средство для оправдания культа личности, как элемента иного, более масштабного культа (разумеется, светского и рационалистического), выражавшегося в ритуалах и церемониях, которые не слишком отличались от обрядов традиционных религий. Таким же образом, основания пролетарской культуры, после серьезного пересмотра и очищения от изначально присущей им стихийности, стали частью идеологического арсенала новой советской власти. Но Горький был несколько не виноват в этом перерождении его идей. Как и многие интеллектуалы того времени, писатель верил в утопию коммунизма, не представляя себе всех рисков развития сталинизма.

Только определив место Каприйской школы в истории большевизма, глубоко изучив теории, легшие в основу этого начинания, можно понять ту неоднозначную роль, которую сыграл Горький в политической борьбе начала тридцатых годов XX века. Так, свою речь на I Съезде советских писателей, получившую одобрение Сталина, Максим Горький взял из собственного эссе, запрещенного к публикации Лениным в 1908 году. Это один из фактов, доказывающий,

³ Спиридонова Л.А. Настоящий Горький: мифы и реальность», М. 2013. С. 6.

⁴ Там же. С. 29.

⁵ См. Rolet S. Le phénomène Gorki. Le jeune Gorki et ses premiers lecteurs, Lille, 2007.

насколько каприйский опыт глубоко повлиял на формирование политических взглядов Горького. В любом случае, создание Каприйской школы вовсе не было, как многие считали, «заигрыванием интеллектуалов»: напротив, теории, породившие это начинание, являются неотъемлемой частью истории европейского марксизма, его противоречий и искажений. Сегодня настало время заново изучить ту полемику, которая развернулась в среде русских социал-демократов начала века, проанализировать разногласия между разными теоретиками и, самое главное, переосмыслить роль Горького. Реконструкция политико-интеллектуальной биографии Горького, необходимая для выяснения причин многих его решений, призвана вернуть писателю место, которое по праву должно принадлежать ему в европейской культуре, и исправить историческую несправедливость.

Методологически данное исследование стало возможно благодаря тому, что сегодня в оборот вводится большое количество новых сведений. Такое расширение научной информационной базы непосредственно связано с перестроечными процессами в России середины 1980-х годов. Отсутствие исторической достоверности в трактовке феномена М. Горького в советскую эпоху во многом обусловлено тем, что большой массив архивных документов был закрыт для широкого исследования. В силу этого приоритет во многом принадлежал европейским ученым, которые пользовались зарубежными архивами, где хранились статьи и письма М. Горького, запрещенные в Советском Союзе, а также воспоминания представителей русской эмиграции, в том числе В.Ф. Ходасевича, Н.Н. Берберовой, Е. Д. Кусковой, Т. Алексинской и др. Это давало возможность западным ученым приходиться к выводам, в корне отличным от тех, которые выражала советская официальная наука.

Открытие архивов и возможность свободного высказывания собственного мнения привели к необходимости радикального перечитывания и переоценки всей политической истории Советской России и, конечно, истории литературы этого периода. Вплоть до переосмысления оценки творчества и личности писателя, которая отличалась пристрастностью и предубеждением.

С одной стороны, официальная советская критика, представлявшая Горького «другом и единомышленником Сталина», «первым пролетарским писателем»⁶, с другой стороны, западная критика, которая, за немногими исключениями, в числе которых – исследователи самого высокого уровня, как, например, В. Страда, – доходила до полного отрицания заслуг Горького и превращала его в малозначительного и малоталантливого писателя, виновного в преследованиях литераторов при советском режиме⁷. Обе точки зрения следует признать тенденциозными. Однако в последние годы в России возникла и обратная тенденция: появилось много работ, в которых личность Горького анализируется более объективно, исследователи, стремясь к более уравновешенному взгляду, пытаются разрушить устоявшиеся представления о писателе, как позитивные, так и негативные⁸. Целью данной работы является попытка свести обе позиции с тем, чтобы воссоздать по возможности объективный психологический портрет М. Горького – творческой личности и интеллектуала, явившегося знаковой фигурой сложнейшего исторического и политического момента европейской истории XX века.

Стремление исследовать феномен М. Горького в совокупности личностных, творческих, идеологических и политических аспектов открывает новые горизонты для изучения полити-

⁶ См., например, книги и статьи А. Овчаренко, Б. Бялика, К. Муратовой.

⁷ Такое отношение свойственно многим русским интеллигентам-эмигрантам, в числе которых: *Набоков В.* Лекции по русской литературе, М., 1999, *Солженицын А.* Архипелаг ГУЛАГ, Париж, 1973, а также многим нашим современникам, например, *Бем А.* Письма о литературе, Прага, 1996, который пишет: «Предательская рука Горького легла на плечи русской литературы» (С. 138).

⁸ См.: *Басинский П.В.* Максим Горький. Миф и биография, М. 2005 и более новая публикация того же автора *Страсти по Максиму Горькому: 9 дней после смерти*, М. 2011; к этому же направлению можно отнести и работы Л.А. Спиридоновой, в частности, *Настоящий Горький: мифы и реальность*, М. 2013.

ческой истории России первой трети XX века, а также европейской истории XX столетия в целом. Современная наука признает, что «перед горьковедением стоит задача нарисовать духовный портрет Горького без хрестоматийного глянца и весьма модной теперь среди публицистов огульной критики»⁹. О пробуждении интереса к писателю свидетельствуют и количество, и качество посвященных ему публикаций в России и зарубежом¹⁰. Следует отметить исследовательскую работу по изданию полного собрания сочинений писателя, а также деятельность сотрудников Архива А.М. Горького Института мировой литературы им. А.М. Горького Российской Академии наук, в последнее время активно публикующих неизданные материалы, касающиеся творчества писателя. В период с 1996 по 2017 год были опубликованы 19 томов писем писателя, из которых треть писем увидела свет впервые. В числе неизвестных писем М. Горького оказались письма В.И. Ленину, И.В. Сталину, Л.Д. Троцкому, А. Богданову, Г. Ягоде, П. Крючкову, Г. Алексинскому, А. Коллонтай, Ф.И. Шаляпину и др. Как отмечают современные исследователи, эти письма «позволяют узнать те черты Горького, мыслителя, писателя и человека, которые в советском горьковедении не замечали или замалчивали. В них раскрывается подлинно горьковское отношение к марксизму, понимание социализма как новой религии масс, его роль в организации и деятельности Каприйской партийной школы, отношение к модернизму и другим проблемам»¹¹. Фундаментальное значение для исследования политической биографии писателя в каприйский период имеет X том серии «М. Горький. Материалы и исследования. Горький в зеркале эпохи» (2010) с перепиской Горького и Богданова»¹², хранящейся в Архиве Лелио и Лисли Иссокко-Бассо (Archivio Lelio e Lisli Issocco-Basso). В течение тридцати лет историки не могли получить доступ к этим документам по причине их подготовки к публикации. До 2010 года в работах, посвященных сложным взаимоотношениям между Горьким, Богдановым, Луначарским и Лениным между 1908 и 1910 годами, ученые не имели возможности ознакомиться с документами напрямую и им приходилось ссылаться на статьи Ю. Шеррер, наиболее авторитетного на западе исследователя истории каприйской школы и конфликта Ленина и Богданова¹³. Кроме того, увидели свет и многие письма Горь-

⁹ Примочкина Н.Н. Писатель и власть. М. Горький в литературном движении 20-х гг. М., 1996. С. 4–5.

¹⁰ Публикации, посвященные Горькому за пределами России после развала Советского Союза, касаются его отношения к политике, оставляя без внимания его художественное значение как писателя. Последние двадцать лет выходило множество его политических биографий, в частности, Yedlin T. M. Gor'kij. A political biography. Westport, Conn.: Praeger, 1999. Elwood L. C. The political career of M. Gor'kij // Russia and East European History, Berkeley, 1984, с. 189–219, основанная на документах и переводах его публицистических статей, к ним можно добавить статьи и книги М. Нике и С. Роле, в которых однако важное значение отводится литературному аспекту. Его художественные произведения, напротив, почти не переводились (за исключением Франции, где были переизданы многие самые значительные его произведения). Интерес представляют некоторые зарубежные монографии, например, книга Х. Хейтсо, переведенная на много языков, в том числе и на русский под названием М. Горький: Судьба писателя (М. 1999), отличающаяся от других новизной интерпретации и рассматривающая большую часть произведений Горького в русле модернизма. Норвежский исследователь, в частности, отмечает, что предвзятая официальная советская критика, превознося некоторые произведения писателя меньшей значимости (как, например, «Мать»), совершенно отрицала важность наиболее интересных произведений Горького, созданных в последние десятилетия его жизни. Важными представляются сопоставления произведений Горького с литературным направлением европейского модернизма, особенно сближение пьес «На дне» и «Дикая утка» Г. Ибсена, сближение, подтверждающее один из основных тезисов данной работы о том, что ранние произведения М. Горького вписываются в широкий контекст кризиса, пережитого европейскими интеллектуалами в конце XIX – начале XX веков.

¹¹ Спиридонова Л. Максим Горький: Новый Взгляд. М., 2004. С. 218.

¹² Автором вступления к переписке является Л.А. Спиридонова. М., 2010.

¹³ Многочисленные и имеющие фундаментальное научное значение статьи Ю. Шеррер указаны в библиографии. Каприйской школе в Италии посвящены также две работы: В. Страды (*Strada V. L'altra rivoluzione. Gor'kij-Lunačarskij-Bogdanov. La "Scuola di Capri" e la "Costruzione di Dio"*, La Conchiglia, Capri 1994) и П. Чони (*Cioni P., Un ateismo religioso: dalla scuola di Capri allo stalinismo*, Roma 2012); очень интересна книга М. Дэвида Фокса (*David-Fox M. Revolution of the Mind: Higher Learning Among the Bolsheviks, 1918–1929*, Cornell University Press, Ithaca (NY) 1997), в которой рассматривается влияние школ для рабочих (Капри, Болонья, Лонжюмо) на советскую политику в сфере образования. К перечисленным исследованиям нужно добавить трилогию «Неизвестный Богданов» в 3 кн., М. 1995, способствовавшую прояснению многих аспектов работы Каприйской школы и биографии Горького в те годы.

кого, долгое время лежавшие под спудом в архивных фондах¹⁴. Для реконструкции биографии М. Горького в период Каприйской школы нельзя обойти вниманием хранящиеся в РГАСПИ письма М. Вилонова к его жене М. Золиной и другим политическим активистам, а также часть переписки между Богдановым и Горьким, которую подробно рассматривала в своих работах Ирина Ревякина¹⁵, ставшая новатором в исследованиях взаимоотношений Горького и Богданова, а также проекта Каприйской школы. Среди ее статей особое место занимает «Максим Горький и Богданов. История отношений и переписка»¹⁶, в которой не имея в распоряжении недавно опубликованных документов, исследовательница все же смогла дать исчерпывающую картину отношений двух товарищей по партии, предвосхищая последующие работы, посвященные данной теме. Тема взаимоотношений Горького, Богданова и Луначарского, а также формирования политических взглядов писателя подробно изучена А. Семеновой, на основании архивных материалов представившей в новом свете некоторые аспекты политической биографии М. Горького¹⁷.

Публикация переписки А.М. Горького и Ромена Роллана, частично известная западным исследователям благодаря работе Жана Перюса «*Cahiers Romain Rolland. Correspondance Romain Rolland – Maxime Gor'kij*» (Cahier 28),¹⁸ позволила сделать большой шаг вперед в вопросе понимания принятых М. Горьким решений. Переписка, дополненная неизданными письмами, увидела свет в 1996 г. в XV томе серии «Архив А.М. Горького». Русское издание книги «Максим Горький – Ромен Роллан. Переписка (1916–1936)», в отличие от французского, более полное и знакомит читателя с неизвестными письмами Горького, а также включает варианты и черновики¹⁹.

Анализ переписки двух писателей и «Московского дневника» Ромена Роллана, опубликованного в России в 1989 году, послужил импульсом ко многим размышлениям. Двадцатилетняя дружба писателей, находившихся в постоянном контакте вплоть до личной встречи в Москве в 1935 г., позволяла им затрагивать самые разные темы, от чисто литературных до откровенно политических. Прочтение их переписки в полном виде дает возможность проследить развитие мысли Горького и его реакцию на наиболее трагические события истории XX века (первая мировая война, Октябрьская революция, фашизм, массовые репрессии), а также углубить понимание личности писателя и его психологии.

Анализу этих свидетельств отводит много места В.С. Барахов, автор монографии, подготовленной на основе богатейшей документации, в которой особенно подробно рассматриваются годы с 1917 и до самой смерти писателя. Исследователь, бывший Директор Архива А.М. Горького, прослеживает развитие мировоззрения А.М. Горького в широком контексте событий

¹⁴ Часть писем, хранящихся в Архиве Президента Российской Федерации, публиковалась в журналах «Известия ЦК КПСС» (1989, № 1, 2, 5, 7 и 1990, № 5, 7, 9), «Новый мир» (1986, № 1; 1989, № 10; 1990, № 1; 1997, № 9), «Новое литературное обозрение» (1999, № 40), в еженедельном приложении к «Российским Вестям» («Вести», 1993, выпуск 5, март), в «Литературной газете» (1986, 30 апреля; 1993, 10 марта; 1997, 19 февраля), в «Вопросах литературы» (1986, № 6, с. 156–173), *Revue des Etudes slaves*, 1992, LXIV, № 1, p. 143–156. Некоторые письма из архивов публиковались в иностранных журналах: *Исаков С.Г.* Неизвестные письма М. Горького В. Ленину, *Revue des Études Slaves* Année 1992 64-1 С. 143–156; *Ревякина И.* Неопубликованное письмо А. Богданова М. Горькому // *Скандо-Слависа*, Н 39 1993. С. 103–106.

¹⁵ *Revjakina I.* Intersezione di destini. Maksim Gor'kij i M. Vilonov // *Strada V.* (a cura di), *L'altra rivoluzione. Gor'kij-Lunačarskij-Bogdanov. La "Scuola di Capri" e la "Costruzione di Dio"*, La Conchiglia, Capri 1994;

¹⁶ *Ревякина И.М.* Горький и А. Богданов: история отношения и переписка. // *Социальные и гуманитарные науки: реферативный журнал*, серия 7, Москва 1996. С. 3–17.

¹⁷ *Семенова А.* Сопряжение Идей... Сопряжение смыслов, Великий Новгород 2015, см. также важные работы Ю. Шеррер и Д. Стейлы, в том числе: *Sherrer J.* La crise de l'intelligentsia marxiste avant 1914: A. V. Lunačarskij et le Bogostroitel'stvo // *"Revue des Études Slaves"*, Н. 51 1978, С. 207–215, это одна из первых работ по данной теме, и *Steila D.* La religione dell'umanità. Gli inizi del collettivismo di Gor'kij (1907–1910), // *"Aion-Slavistica"*, Н. 3 1995. С. 303–327.

¹⁸ *Perus J.* Cahiers Romain Rolland. Correspondance Romain Rolland – Maxime Gor'kij. Cahier 28, Paris, 1991.

¹⁹ В собрании сочинений М. Горького в 30-ти тт. (М., 1949–1956) приведено лишь 22 письма М. Горького Р. Роллану, а в книге *Переписка А.М. Горького с зарубежными литераторами* 23 письма: 7 писем Горького и 16 Роллана.

эпохи. В главе «От автора» он пишет, что в центре его внимания «оказывается драма Горького как мировоззренческая проблема, которая раскрывается в решающих, критических моментах послеоктябрьской биографии писателя (1917–1936). Фиксируя внимание на этом главном для себя аспекте, он [автор – П. Ч.] в тоже время полностью отдаёт себе отчёт в том, что масштабы темы открывают возможности для самых разных интерпретаций драмы Горького [...] Свою цель автор видит в том чтобы на материале последних лет жизни Горького рассмотреть далеко не во всем познанную личность другим взглядом, показать его судьбу как символическое выражение драмы творческой интеллигенции нашей эпохи»²⁰.

В своем исследовании Барахов достигает этой цели и разворачивает перед читателем богатейший и убедительный материал, касающийся трагедии Горького последних лет его жизни. Автор обозначает границы своего исследования, мотивируя это невозможностью показать все аспекты сложнейшей личности интеллигента, что стало бы реально лишь «при условии обращения к ней многих исследователей»²¹. В монографии видна попытка прочитать в трагичности судьбы М. Горького отражение противоречий его времени, но также на историческом отрезке, позволяющем с новой точки зрения вписать русского писателя в ряд наиболее значительных личностей XX века.

Примером удачной интерпретации ученого может служить прочтение переписки Горького с Ролланом, в которой автор подчеркивает человеческие и психологические аспекты эпистолярного диалога писателей, объединенных общими идеалами и «несокрушимой верой в прекрасное будущее, которое представлялось им в годы испытаний и потери душевной устойчивости более реальным, чем окружающая жизнь с её социальным хаосом, войнами и кризисами»²².

Другая проблема, затронутая автором монографии, заключается в «двойственности» Горького в его отношении к революции. По мнению исследователя, эта «двойственность», или «двусмысленность», как ее называет Н. Берберова²³, характерна для всей биографии писателя постреволюционного периода. Барахов приводит диаметрально противоположные мнения на эту тему, которые позволяют понять различные грани такого поведения и найти объяснение мотивациям, подвигнувшим Горького к возвращению на родину после долгих лет изгнания и к приятию сталинской политики. Ходасевич, например, считает, что причины долгих колебаний Горького в отношении к революции заключались «в самом Горьком». Поэт, как он сам признается, много раз пытался убедить друга писателя перейти в лагерь эмиграции и порвать все отношения с советской властью, но всегда получал отказ, и его настойчивость привела к разрыву их дружбы, в основе которого Ходасевич увидел все ту же «двойственность» его (Горького – П. Ч.) отношения ко всему, что связано было с советской властью [...]»²⁴.

Е.Д. Кускова, напротив, утверждает: «Теоретически [...] октябрьскую революцию он (М. Горький. – П. Ч.) должен был принять полностью. Однако полностью он ее не принял. Это можно доказать многими фактами. В чем же дело? В том ли, что сильны были пережитки эпохи прошлого или же сама революция дала такие скачки, такие пируэты, которые никак не гармонизировали с романтизмом Горького? Задача, решение которой должно быть дано его биографами»²⁵.

Действительно, столь горячо ожидаемая революция стала для Горького великим разочарованием. Поэтому долгие годы поэтому его конфликт с новой властью был непреодолим.

²⁰ Барахов В. Драма Максима Горького. М., 2004. С. 16.

²¹ Там же. С.16.

²² Там же. С. 19.

²³ Берберова Н. Курсив Мой. Автобиография. М., 1996. С. 229.

²⁴ Ходасевич В. Некрополь. Воспоминания. Литература и Власть. М., 1996. С. 204.

²⁵ Кускова Е. Трагедия Максима Горького // Новый Журнал. Кн 38. Нью-Йорк. 1954. С. 231

Его вторая эмиграция была столь же необходима, как и первая, но его позиция между 1921 и 1929 гг. в корне отличалась от его позиции в период первой эмиграции (1905–1913). «С самодержавием Горький мог разговаривать на этом гордом эмигрантском языке. С пролетарской республикой он, «родоначальник пролетарской литературы», он, буреизвестник, «сын народа», сделавшего величайшую из революций, так разговаривать не смог. В этих взаимоотношениях даже не с советской властью, а с революцией, – корень его мизантропии, в качестве «полувысланного», и его дальнейших настроений. Развести Горького с этой анархо-босаяцкой революцией – это не только смешно, но и невозможно, уже потому, что в рядах современной, послереволюционной эмиграции ему место не было и быть не могло: современная русская эмиграция – в массе своей – больше всего на свете ненавидит разного рода буреизвестников»²⁶.

В данной работе мы попытаемся доказать, тем не менее, что в биографии писателя больше последовательных действий, чем скачков и противоречий, и мы твердо убеждены, что истина о писателе располагается не на крайних позициях, а должна быть найдена в другом месте, в интерпретации драмы интеллигента, сформированного в эпоху кризиса ценностей и в исторический период великих перемен для России и для всей Европы. В начале XX века ценности XIX века были поставлены под сомнение, и в культурном, и в политическом плане, и русская и европейская интеллигенция страдала от отсутствия реальной альтернативы. М. Горький, как и многие другие, жил в атмосфере тревоги, в которой ощущалось желание разрушить старое и построить новое, не зная, впрочем, как. Как и все, Горький искал свою дорогу и свой выход: читал Ницше и впитывал его идеи, отразившиеся в его ранних произведениях, сблизился с социал-демократией, чувствуя, как и вся русская интеллигенция, необходимость сделать что-то для народа. Кроме того, не стоит забывать, о влиянии, которое оказали на Горького идеи народников и труды Берви-Флеровского. По мнению многих исследователей, именно они имели фундаментальное значение для развития политических взглядов Горького. Идеи писателя эволюционировали долгие годы и ко времени событий 1905 года, Горький активно участвовал в революции, убежденный, что именно она принесет справедливость в Россию. Его вклад в политику был всегда искренним, и, при чтении переписки 1905–1909 гг. становится понятно, что именно в этот период сложилось и «кристаллизовалось» горьковское понимание социализма.

Настоящий водораздел датируется годами первой эмиграции, когда Горький сблизился идейно с Богдановым, заинтересовавшись его коллективизмом, и с Луначарским. В «богостроительстве» он нашел способ примирить Маркса и Ницше, расчет и мечту, науку и утопию. Как замечает Витторио Страда: «Авторы «Капитала», «Воли к власти» и «Преступления и наказания» возвышаются над всей русской культурой первой половины XX века, так же, как и над европейской западной культурой, как созвездие, вокруг которого вращаются все остальные звезды духовного небосвода эпохи, от Толстого до Ибсена, от Гегеля до Штирнера, от Кьеркегора до Соловьева». Характерно, что теоретический мозг Каприйской школы Александр Богданов, в своем понимании «надстройки» как «науки всеобщей организации» придерживаясь строгого рационализма позитивистского толка, позволил себе предпослать своей программной работе «Новый мир» (1904) три эпиграфа: из Библии, Маркса и Ницше «человек – мост к сверхчеловеку»²⁷. Горькому как религиозному мыслителю посвящена фундаментальная статья, позволяющая понять генезис политической мысли писателя, М. Агурского²⁸. В этом новаторском исследовании показана основополагающая роль религиозного элемента для большевизма.

²⁶ Там же. С. 239.

²⁷ Strada V. M. Gor'kij Costruttore di Dio a Capri. In: L'altra rivoluzione: Gor'kij, Lunačarskij, Bogdanov. La scuola di Capri e la costruzione di Dio, Capri 1994. С. 19.

²⁸ Агурский М. Великий еретик. Горький как религиозный мыслитель // Вопросы философии, N 8, 1991, С. 54–74.

В годы второй эмиграции Горький не отказался от своей роли литературного арбитра в культурной политике России, но должен был отказаться от другой своей великой мечты – стать мостом между российской интеллигенцией и эмигрантской. Для решения этой задачи был создан журнал «Беседа», в котором предполагалось «осуществить идею строительства моста, объединяющего два берега русской интеллигенции»²⁹.

В журнале сотрудничали многие писатели первой волны русской эмиграции. Отношение М. Горького к ней было сложным: с одной стороны, он никогда не отказывался помочь эмигрантам и принять их у себя, с другой стороны, он всегда стремился ревниво сохранить свою независимость. Как пишет А. Ваксберг: «Вся жизнь Горького была соткана из парадоксов. Очередной парадокс состоял в том, что он эмигрировал, не чувствуя себя эмигрантом. Соответственным было и его отношение к русской диаспоре последнего призыва: он сразу установил с ней почтительную дистанцию»³⁰.

Действительно, ему не было места в среде эмиграции, не удалось ему и объяснить свою цель на родине, и таким образом его мечта об объединении двух берегов интеллигенции, отныне непримиримо разделенной, плачевно рухнула, и в этот раз Горький проявил отсутствие чувства объективности и политического чутья.

Глубоко разочарованный, он вернулся на родину, где думал вновь играть свою роль защитника интеллигенции и искусств, и ему удавалось спасти многих от смерти и тюрьмы. Усмиренная Россия просила его помощи, и, как и другие, он убедил себя, что там осуществляется социализм.

Речь идет не столько о двойственности и противоречивости, сколько о трагедии человека, который в один из самых драматических моментов европейской и всемирной истории, искал альтернативу и верил в нее, и не хотел отказываться от своей великой мечты. Его искания, колебания, надежды и разочарования характерны для многих интеллектуальных протажонистов европейской истории тех лет. Горький является центральной фигурой этой истории и ее неотъемлемой частью. «Теперь, – утверждает В. Страда, – когда официально советскому мифу о Горьком пришел конец, и он рухнул вместе с создавшей его системой власти как один из наиболее идеологически устойчивых, личность и творчество писателя станут предметом свободного критического анализа, который, впрочем, не должен обернуться антимифом, принижением и недооценкой того, что Максим Горький был выразителем ключевого момента истории XX века»³¹.

Крушение горьковского мифа, ловко сконструированного в советскую эпоху и делавшего из него гениального предшественника советской политики и культуры, заставляет переосмыслить интеллектуальное значение писателя, подразумевающее сложность и глубину его личности, объективную оценку его литературного творчества. Эта оценка не всегда должна быть позитивной, но по крайней мере и не превращать писателя в демона, как это делает по большей части русская эмиграция, часто указывая на него как на несущего в одиночку ответственность за культурную политику сталинской эпохи. Эта натяжка, разумеется, еще опаснее первой. Не будем отрицать ответственности А.М. Горького в последний период его жизни. Его поддержка сталинской политики, его ненависть к русскому крестьянству, заставившая его высказать суждения часто еще более категоричные, чем самого «великого рулевого», публикация книги о Беломорканале, несомненно, оставили крайне негативный след в человеческой и интеллектуальной биографии писателя. Но его биография должна быть воссоздана на основе переосмысления всей его жизни, а не отдельных эпизодов, вырванных из контекста. Нужно учитывать,

²⁹ Примочкина Н. М. Горький и писатели русского зарубежья. М., 2003. С. 19.

³⁰ Ваксберг А. Гибель Буревестника. М. 1999. С. 174.

³¹ Strada V. M.Gor'kij Costruttore di Dio a Capri. // AA. VV. L'altra rivoluzione: Gor'kij, Lunačarskij, Bogdanov. La scuola di Capri e La costruzione di Dio, указ. произв. С. 19.

например, и тот факт, что Горький не вошел в группу писателей, посетивших Беломорканал³². Здесь мы согласны с тем, что пишет Л.А. Спиридонова: «Почему же все упреки сегодня обращены к Горькому, а не к писательской бригаде, выехавшей на строительство 17-го августа 1933 года? Горький в эту бригаду не входил, следовательно, не мог видеть ужасов Балтлага. Да и писатели приехали туда, когда Беломоро-Балтийский канал был полностью готов: мертвых похоронили, живым вручили награды и премии, а многих освободили из заключения»³³. Горького попросили написать вступление к книге, посвященной строительству Беломорканала. И ничего больше. Но за это вступление в последующие годы именно на нем сосредоточились критические нападки с разных сторон. Именно поэтому важно точно прояснить данный вопрос.

Действительно, в итоге невозможно рассматривать Горького как большого друга и советника Сталина, как это делала официальная советская историография, однако не следует делать его ответственным за начало литературных репрессий, драматическая линия которых тянется к Пастернаку и Солженицыну. Начиная с его пребывания в Америке, куда писатель отправился по просьбе большевиков для сбора средств на продолжение революции, и впоследствии в сталинский период имя Горького использовалось в политических целях и как фактор мирового престижа. Таким образом, Горький стал «политиком поневоле».

История Горького-политика была также историей борьбы советского режима за создание образа писателя как гениального предтечи и цветка в петлице нового государства. Однако этим проблема Горького-политика не исчерпывается: необходимо обратить внимание на постоянное сопротивление Горького операциям такого рода и понять, где это сопротивление носит психологический характер, а где оно поднимается до уровня политики. Трудность представляет выявление в миропонимании Горького собственно политических структур. От певца обездоленных, босяков и «бывших людей» трудно требовать создания рациональной системы ценностей и политических стратегий. В 1924 г. он заявил: «У меня к политике органическое отвращение и я сомнительный марксист, потому что не верю в разум масс и особенно в разум крестьянской массы»³⁴.

В эпоху становления стольких «измов», будораживших Европу, тоска по мечте и по новому всегда была в нем сильнее искреннего и безоговорочного примыкания к определенным политическим взглядам. Однако, на наш взгляд, неверно было бы говорить о Горьком как об анархисте и ницшеанце, романтически погруженном в проблему бытия человека, лишь слегка касающегося надежд и драматической борьбы в обществе. «Лично я – признавался он в 1930 г. – никогда не чувствовал и не чувствую себя «исключительно литератором», всю жизнь занимался – в той или иной области – общественной деятельностью и до сего дня не утратил тяготения к ней»³⁵.

Действительно, в эпоху, когда литература добровольно ставит себя на службу общественным проблемам, своеобразие понимания Горьким своей задачи связано со многими аспектами. Прежде всего, с его происхождением: среди дворян, адвокатов, врачей, служащих оно давало ему мучительное преимущество познания мира без посредников. Вскоре к этому прибавились почти мировая слава и престиж, окружавшие его художественное творчество и его личность. Мир знал многих социалистов и анархистов, которые отошли от своих аристократических, буржуазных или мелкобуржуазных корней и в силу определенной направленности культуры перешли на сторону пролетариата и крестьян. Их книги и статьи предназначались для узкого круга друзей или причастных к ним людей. В Горьком мир увидел человека, чьи детство и юность прошли на дне жизни и для которого, благодаря его любви к чтению и книгам, сделалось

³² Спиридонова Л. А. Настоящий Горький. Мифы и реальность, указ. произв. С. 200.

³³ Там же. С. 201.

³⁴ Горький М., Ленин В.И. Полное собрание сочинений в 30-ти т. Т. 17. С. 24.

³⁵ Горький М. Беседы о ремесле // Литературная учёба, 1930, номер 6 июнь// Полное собрание сочинений в 30-ти тт. Т. 25. С. 310.

возможным дорасти до мировоззрения, несмотря на препятствовавшую этому обстановку. Его творчество и его имя не остались в плену свойственных интеллигенции предрассудков и получили собственный резонанс в Европе и мире. Никакой политик не мог предвидеть такого способа служения литературы общественному делу, поскольку непредсказуем гений художника, а тем более его успех. Горький определил для литературы новые границы и получил неожиданный отклик. Несомненно, политическая концепция Горького не укладывается в учебники по истории политических доктрин. Но и не существует, как это часто думают, истории писателя, который занимался политическими проблемами своего времени из пустого кокетства или циничной корысти; его приверженность коммунизму, хотя и совершенно иная, чем ортодоксальная убежденность Ленина, была всегда искренней.

История Максима Горького в определенном смысле показательна для литератора, художественное творчество которого неотделимо от его политических и общественных обязательств. Писателю было посвящено много публикаций с начала 1990-х гг.: в одних авторы, надо признать, довольно неуклюже и грубо пытаются оседлать конек «ревизионизма», что закономерно в такой стране, как Россия, где столько лет отрицалась свобода мысли и теперь необходимо в некоторых случаях «выпустить пар»: такая критика, часто необоснованная и не опирающаяся на серьезные и точные исследования, пытается дискредитировать творчество писателя (как правило, в этих случаях речь идет о работах скандального характера, не имеющих никакой научной ценности); в других авторы стремятся серьезно и документированно осмыслить историческую ценность личности писателя, подчеркивая как позитивные, так и негативные, неудобные аспекты, основываясь на неизвестном ранее архивном материале. Это не значит, что исследователи должны отказаться от законного права на выражение негативной критики творчества Максима Горького и его образа действий, а что необходимо документально обосновывать любую критику.

Максим Горький, с его богатой встречами, событиями и опытами жизнью, не может быть понижен до роли второсортного автора русской революционной драмы в истории литературы XX века. Его глубокая и сложная личность, не утратив до сих пор своего подлинного и большого значения, заставляет сегодня критику занять определенную позицию по отношению к писателю. «Горький – один из тех русский писателей, о которых исследователи в свете событий последних лет начинают писать заново»³⁶.

Новое прочтение Горького, начатое в годы перестройки, подразумевает возможность диалога между исследователями и отличается свободой от идеологических требований, которые в свое время изолировали писателя и стали причиной недооценки литературных влияний эпохи на творчество писателя, а также тех составляющих мировоззрения Горького, которые не были тесно связаны с политикой³⁷. Такое восприятие, характерное для советской идеологии, полностью отрывало Горького от его эпохи и делала из него мыслителя *sui generis*, не имеющего ничего общего с движениями европейской мысли. Эта позиция привела с годами к оценке исследователями лишь тех сторон литературного творчества Горького, которые могли служить подтверждением его роли как «основоположника социалистического реализма», без должного внимания к контексту, в русле которого формировалась его идеология. Так работали многие ученые, и с начала 1990-ых гг. был сделан большой шаг вперед, особенно русскими исследователями, которые заново переосмыслили политическую и литературную биографию А.М. Горького.

³⁶ Хейтсго Г. Максим Горький. Судьба писателя. М. 1997. С. 5.

³⁷ См. Rougle C. Three Russians consider America: America in the works of Maksim Gor'kij. Aleksandr Blok, and Vladimir Majakovskij, Stockholm 1976. С. 18.

В числе монографий, сделавших наибольший вклад в новое прочтение творчества и философских воззрений писателя, помимо В.С. Барахова, о котором мы подробно написали, на наш взгляд, заслуживают особого интереса книги Л. Спиридоновой и Н. Примочкиной.

Книги Л. Спиридоновой «Максим Горький: Новый взгляд», «М. Горький: Диалог с историей» и «Настоящий Горький: мифы и реальность» внесли большой вклад в новое прочтение ключевых моментов творчества Горького, представив новую интерпретацию многих его произведений, особенно ключевых романов, как, например, «Мать»³⁸, «Лето», «Жизнь Клима Самгина», и проливают свет на многочисленные ошибки в интерпретации решений, принятых писателем. Новый взгляд на писателя нужен для того, чтобы «разрушить действительно устаревший стереотип образа ортодоксального марксиста, верного ленинца, друга и соратника Сталина»³⁹.

Работая с огромным количеством материала, исследовательница останавливается на ключевых моментах концепции мира Горького, анализируя его образ мыслей в различные исторические периоды первых 30-ти лет XX века, не пренебрегая сопоставлением его взглядов с воззрениями выдающихся мыслителей эпохи. В первой работе достаточно оригинально воссоздан интеллектуальный путь Горького частично на основе заметок, которые он сам писал на полях читаемых книг. Таким образом, читатель может «услышать «настоящий голос» Горького в столкновении разных мнений и концепций с историками (В. Ключевский, П. Милюков, С. Платонов, М. Покровский), с религиозными мыслителями (Н. Бердяев, С. Булгаков, С. Франк), богословами (Д.С. Мережковский, Д. Философов)»⁴⁰.

Вторая книга имеет очерковый характер. Автор касается различных тем, очень важных с точки зрения отдельных сторон отношения Горького к политике, в частности, в главах, обсуждающих мотивацию возвращения Горького в сталинскую Россию и его отношений с последним. Л.А. Спиридонова показывает, что отношения Горького с Советским Союзом были значительно сложнее и конфликтнее, чем пишут большинство исследователей, в частности, А.И. Солженицын, который в своей книге «Архипелаг ГУЛАГ» видит в мотивах возвращения писателя на родину чисто материальные причины и, анализируя роль писателя в культурной политике 1930-х гг., дает собственную интерпретацию одной из самых противоречивых глав его биографии, а именно, его участие в книге «Беломорский канал» и соучастие в сталинской политике. По этому поводу исследовательница пишет: «Горький поверил в теорию обострения классовой борьбы и существование врагов народа»,⁴¹ – и, как и многие, искренне был убежден, что «заговоры 1928–1930 гг., действительно существовали и являлись звеньями единого антисоветского заговора, организуемого за рубежом»⁴². Мы разделяем это мнение. Действительно, в большинстве исследований М. Горький обвиняется и делается ответственным за советскую культурную политику без учета интеллектуального климата тридцатых годов и без попытки реконструировать коллективное воображаемое эпохи.

Еще один шаг на пути к разрушению мифологизированного образа Горького, как с положительной, так и с отрицательной стороны, был сделан в последней монографии Л. Спиридоновой «Настоящий Горький: мифы и реальность».

Н.Н. Примочкина, в свою очередь, в книге «Горький и писатели русского зарубежья» прояснила некоторые вопросы, касающиеся роли Горького в литературной жизни русской эмиграции 1920–1930-х гг., подчеркивая его стремление служить «мостом» между Советской Россией и эмиграцией, пролив свет на малоизученный, а до ее монографии и вовсе порой

³⁸ Во Франции, где сделаны новые переводы и переизданы многие произведения писателя, роман «Мать» интерпретируется в русле этико-религиозных принципов, лежащих в основе произведения, а также в феминистском ключе.

³⁹ Спиридонова Л.А.М. Горький: Диалог с историей, М., 1994. С. 5.

⁴⁰ Барахов В. Драма Максима Горького. М., 2004. С. 41.

⁴¹ Спиридонова Л. Новые аспекты изучения творчества Горького // Неизвестный Горький, М., 1995. С. 106.

⁴² Там же. С. 107.

не затрагивавшийся аспект деятельности писателя, представленный в книге глубоко и исчерпывающе. В действительности исследование этого периода жизни писателя долгие годы было запрещено в Советском Союзе и первые работы на эту тему появились только в 1990 г., в связи с возникновением большого интереса в литературе эмиграции, на то время совсем не известной в России. В книге Н. Примочконой, тщательно анализируется переписка М. Горького с Вячеславом Ивановым, В. Ходасевичем, Н. Берберовой, П. Муратовым, З. Гржебиным и другими (около 200 неизданных писем, сохраненных в российских и зарубежных архивах). Внимание автора книги сосредоточено на роли М. Горького в литературных и политических событиях эмиграции и дает возможность углубить историю ее представителей. Особый интерес вызывают главы, посвященные позиции Максима Горького в отношении к движениям «сменовекотства» и «евроазиатства».

Исследовательница также занималась изучением роли Горького в литературных течениях первого после октябрьского десятилетия, в книге «Писатель и власть» (1996) она попыталась воссоздать интеллектуальный климат 1920-х гг. и показать важную роль Горького в литературной политике этого времени, с привлечением большого числа неизданных материалов. Эта книга также проливает свет на отношения Горького с миром русского крестьянства, его позицию по отношению к «крестьянским», «пролетарским» писателям и писателям-«попутчикам», его влияние на советскую культурную политику 1920-х годов.

Последний аспект был всесторонне изучен в период «оттепели» в работах К.Д. Муратовой «М. Горький в борьбе за развитие советской литературы», А.А. Волкова «Максим Горький и литературное движение советской эпохи» и «М. Горький в борьбе за идейность и мастерство советской литературы». В этих работах, несмотря на привлечение большого числа архивных материалов, особенно в случае К.Д. Муратовой, проводится идея слияния всех послереволюционных литературных движений в направление социалистического реализма. Тем не менее, все трое исследователей останавливают свое внимание на писателях, находившихся в центре литературного движения: В. Маяковском, Д. Фурманове, А. Фадееве и др.

Н. Примочкина же анализирует в основном отношения между М. Горьким с писателями-«попутчиками» и с крестьянскими писателями, не пренебрегая отношениями между М. Горьким, В.И. Лениным, Н.И. Бухариным и другими лидерами Октябрьской революции. Она показывает центральную роль Горького в российской культурной жизни 20-х гг., например, в борьбе Воронского с рапповцами.

В настоящей книге, помимо уже означенных тем, много места посвящено предреволюционному периоду жизни писателя, когда Горький существенно сблизился с партией большевиков, но занял позицию, не сводимую к марксизму-ленинизму. Особое внимание уделяется также очеркам писателя об Америке, традиционно рассматриваемым официальной советской наукой как сознательная критика американского капитализма и используемым в советский период в целях антиамериканской пропаганды. Эти очерки интерпретированы как отражение общего идейного кризиса, а также как реакция интеллигента, впервые столкнувшегося с реальностью огромной метрополии, на современный мир, оспаривающий традиционные ценности.

Произведения, написанные в результате пребывания писателя в Америке, еще мало изучены и очень мало анализов очерков о Нью-Йорке. Среди немногочисленных работ на эту тему, достойных внимания, необходимо назвать книгу Чарльза Рагла «Взгляд трех русских на Америку: Америка в творчестве Максима Горького, Александра Блока, Владимира Маяковского»⁴³. В своей книге американский ученый выступает противником теории, относящей эти очерки к антибуржуазной и антикапиталистической критике, и связывает обвинения Горького, направленные на американское общество, с потрясением, пережитым европейским интеллигентом.

⁴³ Rougle C. Three Russian Consider America. America in the works of Maksim Gor'kij, Aleksandr Blok, and Vladimir Majakovskij, указ. произв.

том при первом столкновении с совершенно чуждой и непонятной ему реальностью. Чарлз Рагл находит много общего в описаниях большого города, сделанных Горьким, и подобными же описаниями других европейских интеллигентов, несомненно, известных писателю. В дополнение к тому, что утверждает Ч. Рагл, в настоящей работе сделана попытка интерпретации американских очерков тех лет в русле кризиса интеллигенции на мировом уровне, вызванного глубокими историческими и культурными изменениями, происшедшими в начале XX века.

В книге дан анализ речи Горького на Первом съезде советских писателей с целью показать ее полное несоответствие марксистским установкам. В основе этого анализа – теории В. Страда⁴⁴, который по поводу речи писателя утверждает, что Горький «научную ясность Маркса подменяет идеологическим туманом, таинственным образом возникшим из старой теории “богостроительства”, отразившейся в повести «Исповедь»⁴⁵. Ученый⁴⁶, кроме того, является поборником последовательности мысли в позициях, высказанных Горьким, начиная с «Лекций по русской литературе», прочитанных рабочим на Капри и опубликованных в России в 1939 г., и позициях, занимаемых Горьким во время Первого съезда писателей. Это утверждение, встречающееся в критике в 1970–1980-ые гг., вновь подхвачено в сборнике «L'altra rivoluzione», в котором впервые на итальянском языке опубликована одна из лекций по литературе, прочитанных Горьким рабочим в школе на Капри. На эту тему написаны книги: В.В. Перчин. «Литературные споры Максима Горького» (Вопросы литературы, 1989, № 10. С. 149–170) и И.К. Кузьмичев, Л.Ф. Ершов. «Волшебный кристалл. Социалистический реализм сегодня и завтра» (М., 1987). Оригинальную интерпретацию социалистического реализма предлагает Ч. Де Микелис, говоря о его глубинной связи с религиозным институтом или, по крайней мере, с канонами древней русской литературы⁴⁷.

В то же время, несмотря на обилие новых публикаций последних лет, хотя и отдавая им должное, автор настоящей работы оставил практически без изменений свои выводы, сделанные во время чтения очерков Густава Герлинга⁴⁸ и статей Л. Троцкого⁴⁹. Тема смерти Горького стала предметом многочисленных публикаций. В частности, сборник «Вокруг смерти Горького», в котором проанализированы все документы, связанные с болезнью писателя, свидетельства врачей, лечивших его, воспоминания людей его ближайшего окружения, протоколы допросов 1938 г. «правотроцкистского блока». Сборник сопровождается статьями, рассматривающими различные теории о смерти писателя, свидетельства людей, бывших рядом с ним в дни его последней болезни, его отношения со Сталиным, Троцким и членами оппозиции.

Этой теме посвящена статья «Смерть Горького» Мишеля Нике⁵⁰, в которой французский ученый, анализируя некоторые свидетельства, в частности, французских писателей Арагона и Эльзы Триоле, ставит под сомнение тезис об его естественной смерти, а также тезис о врачах-убийцах, выдвигая гипотезу прямого вмешательства Сталина, по приказу которого был убит писатель, чтобы помешать ему встретиться с европейскими интеллектуалами, приехавшими в Москву с визитом к нему.

⁴⁴ Strada V. Tradizione e Rivoluzione nella lettura russa, Torino 1980. С. 145–175.

⁴⁵ Там же, с. 175; этой повести, отразившей идеи «богостроительства», уделяется большое внимание. О ней писали: Никитин Е. Исповедь (М., 2000), М. Niqueux, Введение к “Confession”, (Paris, 2005), Masing-Delic I. A Salvation Myth of Russian Twentieth-Century Literature (Stanford, 1992), в последней книге дан анализ художественных особенностей повести М. Горького «Исповедь», в русле широкого контекста Серебряного века и мировой литературы.

⁴⁶ Страда В. У истоков социалистического реализма. Горьковская концепция русской литературы. Россия, 1987, № 5, с. 139–146; Страда В. Итальянские Лекции Горького // “Россия и Италия”. М., 1993. С. 222–232.

⁴⁷ De Michelis C. Realismo socialista, veridicità e letteratura russa antica // Europa Orientalis, n. 7, 1988, С. 185–197.

⁴⁸ Herling G. Da Gorki a Pasternak: considerazioni sulla letteratura sovietica, Roma, 1958.

⁴⁹ Троцкий Л. О смерти Горького // Бюллетень оппозиции, Parigi 9.7.1936 n.51; Trockij L., Stalin. Paris, 1948.

⁵⁰ Нике М. К вопросу о смерти Горького // Минувшее. Париж. 1988, № 5.

Противоположного мнения придерживается В.С. Барахов, который в статье «Смерть Горького»⁵¹ возвращается к версии об естественной смерти писателя, анализируя все возможные противоречивые версии и находя закономерными выводы, сделанные во вступительной статье к сборнику «Вокруг смерти Горького», оставляющей за читателем право на собственные свободные суждения.

Причины смерти Горького находятся в центре интереса многочисленных публикаций В. Баранова⁵², книги которого, вызвали большой интерес и количеством использованного материала, и живостью изложения. Такой интерес к смерти писателя связан, прежде всего, с большими процессами 1930-ых гг. Изучение этой темы неразрывно связано с разработкой темы отношений писателя со Сталиным и, шире, отношений с Советским Союзом в 1930-ые гг. В том, что касается выбора Горького в последние годы его жизни, здесь, как правило, авторы придерживаются крайних мнений, то изображая Горького пленником Сталина, не осознающим свой выбор, то осыпая его обвинениями, превращающими писателя в «ревкома колонии, лагеря, товарища шефа ОГПУ-НКВД [...]»⁵³.

И. Солоневич прямо утверждает, что «основные мысли партайгеноссе Розенберга почти буквально списаны с партийного товарища Максима Горького»⁵⁴, который, по мнению исследователя, виноват не только во всех несчастьях, постигнувших Россию в результате революции, но еще и бедах Германии и Европы. Подобное суждение не нуждается в комментариях и даже не стоило бы его приводить, если бы оно не отражало настроения определенной части исследователей крайне ревизионистского толка, к сожалению, строящих свои умозаключения, не прибегая к анализу фактов⁵⁵.

Мы убеждены, что сложная фигура Горького заслуживает более серьезного исторического анализа, а его выбор 30-ых гг. не может быть интерпретирован однозначно. Наше убеждение основано на факте, что М. Горький в тот период, когда он решил вернуться в Советский Союз, увидел в сталинской России страну, более соответствующую его идее революции, чем Россия 1922 г., и, как многие, поверил в международные заговоры против революции, оправдывая жесткую борьбу Сталина против так называемых врагов народа. Это не значит, что он полностью был солидарен со Сталиным. Живя в Советском Союзе, он постепенно осознал подлинную природу сталинской политики. В 1934 году было, впрочем, уже слишком поздно уходить в оппозицию и искать другую дорогу. Смерть сына Максима, «убийство» Кирова прекрасно показали это, да и свобода передвижения писателя постепенно уменьшалась. Его международные контакты и факт, открыто продемонстрированный в прошлом, что писатель не будет мириться с воззрениями, которых не разделяет, не позволяли Сталину оставлять Горького без контроля, который, согласно многим свидетельствам, становился все более жестким⁵⁶. Период последних двух лет жизни писателя представляется наиболее сложным для понимания, хотя и существует множество источников, доступных ныне исследователям, нет никакого документа, подтверждающего реальное противостояние Горького Сталину, и тем более нет

⁵¹ Барахов В. Смерть Горького в кн. Драма Максима Горького, М. 2004. С. 333–372.

⁵² Баранов В. Огонь и пепел костра. М. Горький: творческие искания и судьба, М. 1990; Баранов В. Горький без грима. Тайна смерти. М., 1996; Баранов В. Максим Горький: подлинный или мнимый, М. 2000; Баранов В. Беззаконная комета Максима Горького, М., 2001.

⁵³ Московская правда. 1990, 3 августа.

⁵⁴ Солоневич И. Народная монархия. М., 1991. С. 193.

⁵⁵ См. напр. Бем А. Письма о литературе. Прага, 1996; Парамонов Б. Горький, белое пятно // Октябрь. М., 1992. № 3; Дубинская-Джалилова Т. Великий Гуманист (по материалам переписки Горького и Сталина) // Литературное новое обозрение, М., 1999, № 40.

⁵⁶ Этому убеждению придерживается, например, Л. Фелбин (под псевдонимом А. Орлов) в статье «Тайна истории сталинских приступлений» (М., 1991), где он говорит, что писатель находился под прямым контролем Г. Ягоды, который якобы получил от Сталина приказание заниматься «перевоспитанием» Горького; и В. Чернухина в статье «Поездка Горького на Соловки. (Свидетельства очевидцев)» // Незвестный Горький, М., 1995. С. 124–135.

свидетельств, указывающих на участие Горького в заговоре против Сталина. Период, начавшийся с Первого съезда писателей и продолжавшийся до самой смерти Горького, вызывает, тем не менее, различные интерпретации. Для того, чтобы найти объяснение решениям, принятым писателем в последние годы его жизни, мы посчитали нужным рассмотреть его биографию под призмой феномена секуляризации политики, в результате которого миллионы людей по всему миру начали верить в коммунизм как в истинную религию. Составные части данного феномена представляют собой как крайний догматизм Ленина, так и богостроительство Луначарского и Горького, считавших, что марксизм должен стать религией современного человека, «Человека-Бога в человеческом обществе, полностью освобожденном от мифа трансцендентности и сверхестественного»⁵⁷. По этой причине мы посчитали необходимым уделить значительное внимание дискуссиям, развивавшимся в начале XX века вокруг большевизма (или, если говорить в общем, вокруг социал-демократии). Это позволяет показать, что религиозный элемент являлся фундаментальной характеристикой марксистской идеологии. Рассмотрение решения Горького под призмой этого феномена дает ключ к новому пониманию развития его идей, а также помогает понять его многочисленные принятые им подчас противоречивые решения. Мы уверены, что, как замечает Н. Примочкина, писатель такого величия и драматизма судьбы, как Горький, не нуждается ни в наших обвинениях против него, ни в оправдании⁵⁸.

*Санкт-Петербург,
30 октября 2017*

---

⁵⁷ Gentile E. Le religioni della politica, Roma 2001.

⁵⁸ Примочкина Н. Писатель и власть. М. Горький в литературном движении 20-х гг. М., 1996. С. 55.

Глава I

Писатель и деятель культуры в хитросплетениях политики

1. Становление М. Горького как политика и деятеля культуры

«Так нужно жить: иди, иди – и всё тут. Долго не стой на одном месте – чего в нём? Вон как день и ночь бегают, гоняясь друг за другом, вокруг земли, так и ты бегай от дум про жизнь, чтоб не разлюбить её»⁵⁹, – это слова Макара Чудры, главного героя первого горьковского рассказа, опубликованного 12 сентября 1892 г. в тифлисской газете «Кавказ». Социальная реальность, к которой обращено раннее творчество Горького, представлена миром бродяг, «бывших людей». Сама по себе такая тематика не была совершенной новостью для русской литературы. Но у Горького его герои, бесприютные материально и духовно, не вызывают ни моралистического негодования, ни высокомерного снисхождения. Он испытывает к ним симпатию – чувство, достаточно неоднозначное, как мы убедимся впоследствии. В основе этого сочувственного интереса лежали, несомненно, антибуржуазные и общеромантические установки. Вряд ли, однако, Горький руководствовался какими-то определенными политическими или социальными идеями, как утверждает советское литературоведение ортодоксального толка. Но не приходится сомневаться в том, что его взгляд на действительность опосредован собственным, нелегким и глубоко прочувствованным жизненным опытом. Семейные несчастья, оборванная в самом начале учеба, необходимость с ранних лет зарабатывать на жизнь, меняя места и виды работ, самообразование через чтение – таковы основные вехи хорошо известной горьковской биографии. Что касается ее политической составляющей, достаточно указать, что к своему двадцатилетию, имея за плечами опыт труда, чтения и странствий, Горький подходит уже с осознанными политическими убеждениями. В 1887 г. он штудировал Плеханова и знакомится с Федосеевым, организатором первого марксистского кружка в Казани. В следующем году вместе с народником Ромасем отправляется агитатором в Красновидово под Казанью. В 1889 г. А.М. Горький вернулся в Нижний Новгород и начал посещать политические кружки, близкие к народникам, куда входили, в частности, писатель В.Г. Короленко, глава Департамента статистики, Н. Анненский, писатель и врач С.И. Елпатьевский. В числе книг, изучаемых в кружке Щекина, куда входил А.М. Горький, были работы Ф. Лас-саля «Речи и статьи», Н. Михайловского «Что такое прогресс», П. Лаврова «Исторические письма» и «Манифест коммунистической партии» Карла Маркса. Именно в эти годы формируется политическое сознание Горького. Важным событием жизни писателя в этот период было знакомство с В.Г. Короленко, любимым учеником которого он стал.

---

⁵⁹ Горький А.М. Полное собрание сочинений. Художественные произведения В 25 т. Т. 1. С. 14.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.